

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

4

БАКУ • 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhdiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdzanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

С. А. СЕКИРИНСКИЙ

**ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМА И СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII — НАЧАЛО XX В.)**

Крымское ханство как более или менее самостоятельное государство образовалось в первой половине XV в. В его состав вошли Крымский полуостров, Приднепровье, Приазовские земли и Прикубанье. Но в этом качестве Крымское ханство просуществовало очень недолго. Вскоре после завоевания турками генуэзских колоний в Крыму (1475) оно стало вассалом Турции [1. С. 131]. Кафа, Судак, Керчь и другие города и крепости южного и восточного берега Крыма, а также юго-западная часть полуострова превратились в турецкие владения.

По своему национальному составу население ханства было неоднородным. Кроме татар, на его территории проживало значительное количество греков, армян, турок, караимов и представителей других народностей.

В XVIII в. по правую сторону Днепра, против будущего Мелитопольского уезда, были расположены слободы и курени Запорожской Сечи. Для того, чтобы обеспечить беспрепятственное рыболовство, Сечь учреждала свои посты и на территории ханства. Такие посты, или «полянки», встречались на рр. Рогачике, Белозерке, Конских Водах, которые впадают в Днепр с востока [2. С. 3]. Вскоре после ликвидации Запорожской Сечи (1775) казаки стали заселять северную часть будущего Бердянского уезда. Казачьи поселения на территории будущего Днепровского уезда появились еще в начале XVIII в. [2. С. 4]. Следовательно, в XVIII в. на окраинных землях Крымского ханства существовали своеобразные русские поселения.

В XVIII в. между Россией и Турцией разворачивается напряженная борьба за Крым. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира, заключенного в 1774 г. после русско-турецкой войны 1768—1774 гг., Крымское ханство было объявлено независимым от Турции государством. Россия получила в Крыму крепости Керчь и Ени-Кале [3; 4]. На территории Крыма оставались русские войска. В 1778 г. по инициативе русского правительства из Крыма в Приазовье было переселено почти все христианское население ханства [5. С. 711—714]. Причины этого еще недостаточно изучены. Одно бесспорно: христианское население Крыма, которое во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. открыто выражало свои симпатии русским войскам и видело в них своих защитников и покровителей, имело все основания опасаться репрессий как со стороны татарских властей, так и со стороны турок, которые могли в любое время возобновить военные действия и высадиться в Крыму. Об этом свидетельствует рапорт командующего русскими войсками в Крыму генерал-поручика А. В. Суворова князю Г. А. Потемкину от 25 июля

1778 г., в котором говорится: «...не могу я довольно Вашей светлости описать, в какой опасности здешние христиане были. Многие разноместно были уже под татарскими караулами, неминуемая им казнь приделжалась» [5. С. 589—590]. Эта мысль повторяется и в ордере генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева на имя А. В. Суворова от 5 августа 1778 г. [5. С. 619] и в письме графа Н. И. Панина «Крымским чинам» от 20 сентября того же года [5. С. 895—898].

Само собой разумеется, что переселение христиан из Крыма, где они проживали в течение многих веков, в новые и малоизвестные земли не могло пройти безболезненно. Крымские христиане, прежде чем дать свое согласие на переселение в Азовскую губернию, предъявили (через греческого митрополита Игнатия) царскому правительству ряд условий («артикулов»). В частности, греки и армяне просили, чтобы им был возмещен ущерб за потерю в Крыму движимого и недвижимого имущества и выдано пособие на перевозку людей и вещей. Крымские христиане также просили освободить их в местах нового поселения на 10 лет от уплаты всяких налогов и поборов и навечно от рекрутской повинности и военного постоя [5. С. 556—557]. В письме митрополита Игнатия П. А. Румянцеву от 17 июля 1778 г. высказывается настойчивая просьба, чтобы все обещания русских властей, данные переселенцам, были бы подтверждены специальной императорской грамотой, подписанной Екатериной II [5. С. 615—616]. Румянец обещал Игнатию, что он не упустит возможности представить эту просьбу императрице, но в то же время рекомендовал митрополиту, не теряя времени, прилагать «всевозможное старание... о переселении... паствы вашей» [5. С. 614—615].

Есть и другие факты, свидетельствующие о том, что часть переселенцев, прежде чем дать свое окончательное согласие на выезд из Крыма, испытывала известные колебания. В письме Румянцева Потемкину от 3 августа 1778 г. крымские христиане обвиняются в легкомыслии; «...они, — говорит Румянец, — не взирая на утесненное свое состояние, все колеблются в ожидании следствий, какие впредь быть могут» [5. С. 614—615]. Об этом же свидетельствует донесение русского резидента в Бахчисарае Суворову [5. С. 589—591].

А. В. Суворов, которому было поручено организовать переселение христианского населения Крыма в Азовскую губернию, в рамках своих полномочий сделал все возможное, чтобы помочь переселенцам. В рапорте Потемкину от 25 августа 1778 г. он писал: «...переселяемых христиан надлежит» удовлетворить за их тратимое недвижимое, особенно сады, тем паче что многие только от того их пропитание имели» [5. С. 589—590].

В записке Суворова Румянцеву рекомендуется выкупить у переселенцев хлеб, тяжелые вещи, виноградники, снабдить их всем необходимым, предоставить им нужное количество повозок, обеспечить охрану в пути, защитить от возможных «нападков» со стороны хана и татарской знати, «разгневанных сим случаем», а по прибытии на новое местожительство выдать переселенцам семена и продовольствие «доколе новый хлеб родится» [5. С. 588]. Реакция крымского хана Шагин-Гирея и татарской феодальной знати на эту акцию российского правительства была крайне отрицательной. Когда хану доложили о готовящемся переселении христианского населения Крыма, Шагин-Гирей назвал это сообщение «беспутным слухом» и потребовал представить ему распространителей «сей выдумки». Графу Панину пришлось объяснять «крымским чинам», что переселение вызвано «междоусобием и неустройством в Крымском ханстве» и что в таких условиях «...жительствоющие между

вами христиане для сохранения себя, жен и детей своих должны были прибегнуть под зашитие оружия ея императорского величества». «Императрица, — разъясняя Панин, — не могла отвергнуть от покровительства людей единовѣрных, кои перешед в Крым по разным временам по своей воле, могли равным образом оттуда отлучиться по своей же воле» [5. С. 895—898].

Чтобы не обострять и без того напряженные отношения с ханом и татарским населением Крыма, Суворову пришлось выплатить татарам денежную компенсацию за уходящих из Крыма вместе с греками и армянами — рабами христианского происхождения — и пообещать хану денежное вознаграждение за утрату значительной части его подданных [6. С. 14—17]. В начале 1779 г. Шагин-Гирей получил 50 тыс. р. в качестве своеобразного возмещения за уход из Крыма христиан. Такую же сумму получили братья хана, беи, мурзы и ханские чиновники [6. С. 21].

Переселение христиан из Крыма началось в первых числах августа и продолжалось до второй половины сентября. Крым покинули в общей сложности 31 386 христиан. В Крыму и других местах осталось только 288 человек [5. С. 711—714].

В результате переселения греков и армян в пределы Российской империи численность и этнический состав населения Крыма изменились, значительно возрос удельный вес татарского населения.

Борьба между Россией и Турцией за Крым продолжалась. 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест, в котором говорилось, что предоставление Крымскому ханству независимости не привело «к тишине и безопасности». Турция продолжала вмешиваться в крымские дела и пыталась снова осуществлять верховную власть над Крымом. Поэтому «решились мы, — говорилось в манифесте, — взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону» [3. Т. 21, № 5 708; 7. С. 92].

В советской научной литературе уже давно утвердилось мнение, что ликвидация Крымского ханства, очага постоянной агрессии и международной напряженности, и присоединение его территории к России сыграло большую прогрессивную роль не только для собственно Крыма и прилегающих к нему земель, но и для всего Северного Причерноморья, создав благоприятные условия для развития производительных сил и культуры Новороссийского края [8. С. 87—105].

Однако прогрессивный характер этого события не следует, на наш взгляд, понимать слишком прямолинейно, учитывая тот факт, что хотя Российская империя конца XVIII в. по уровню развития экономики и культуры стояла значительно выше султанской Турции, тем не менее в стране сохранялся феодально-абсолютистский строй, усиливалось крепостничество.

В 1784 г. была создана Таврическая область, в которую вошли Крым, Тамань и земли к северу от Перекопа, ранее бывшие в составе Крымского ханства. Остальные кубанские земли были включены в Кавказскую губернию [3. Т. 21, № 15 920]. В 1802 г. Таврическая область была преобразована в губернию [3. Т. 27, № 20 449].

Учитывая военно-стратегическое значение Крыма и большое влияние Турции на татарское население полуострова, Екатерина II и ее окружение стремились завоевать расположение новых подданных империи.

Еще в апрельском манифесте 1783 г. местным жителям было обещано «свято и непоколебимо ... содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лицо, имущество и природную веру ... и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те

же правности и преимущества, каковыми таковые в России пользуются» [З. Т. 21, № 15 708].

22 февраля 1784 г. татарским феодалам было даровано право пользоваться всеми преимуществами российского дворянства [З. Т. 22, № 15 936].

Указом Сената 9 ноября 1794 г. всем имущим магометанам Таврической области, без различия звания и состояния, было оставлено в свободное владение недвижимое имущество с распространением этого права на наследников [З. Т. 23, № 17 265].

И, наконец, 18 сентября 1796 г. рескриптом, направленным на имя губернатора Екатеринославского, Вознесенского и Таврического, князя П. Зубова татары освобождались от рекрутской повинности (из татар на добровольных началах намечалось создать пять кавалерийских дивизионов) и военного постоя. Татарам, согласно рескрипту, предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы (при согласии обеих сторон) у улемов, и решения последних считались окончательными. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей [9. Ф. 799, оп. 3, д. 455. Лл. 29—30].

В начале XIX в. Комитет по устройению Новороссии подтвердил личную свободу татарских крестьян и их право переходить от одного помещика к другому или в казенные поселения [10. Ф. 1 307, оп. 1, д. 1. Л. 60].

Однако, несмотря на все указанные меры, часть татарского населения покинула Крым и эмигрировала в Турцию. Масштабы и причины этой эмиграции были предметом дискуссии ряда исследователей. Подробное изложение различных точек зрения на эту проблему дано в работе А. И. Маркевича [11. С. 375—405].

В связи с сокращением численности населения Крыма уже в царствование Екатерины II было начато заселение Крыма и Северной Таврии. Одним из самых простых способов было поселение здесь отставных русских солдат, которые снабжались амуницией, жалованьем, провиантом и под командой специально выделенных офицеров направлялись в отведенные для них местности [9. Ф. 799, оп. 3, д. 10. Лл. 2, 3, 9, 10, 15, 16, 84, 91]. Одновременно в Таврическую область отправляются на постоянное жительство русские, оказавшиеся по разным причинам в Молдавии, входившей в те времена в состав Османской империи [9. Ф. 799, оп. 1, д. 27. Лл. 10, 11, 25, 29, 62—88—91, 98—101]. Слились в Таврической области и выходцы из Польши. Судя по их фамилиям, это были русские и украинские крестьяне, проживавшие там постоянно или заброшенные в Польшу волею судьбы [9. Ф. 799, оп. 1, д. 86, 132, 337, 345].

Определенную часть переселенцев составили и крепостные. После присоединения Крыма к России императрица щедро жаловала крымские земли сановникам, гражданским чиновникам, военным. По подсчетам Ф. Ф. Лашкова, только в Крыму было роздано лицам разного звания более 350 тыс. десятин земли. А всего в Таврической области до 1796 г. было отдано новым владельцам не менее 695 тыс. десятин [12]. Стремясь освоить вновь приобретенные земли, русские помещики переселяли сюда своих крепостных из внутренних губерний страны. В 1795 г. в Таврической области было уже 12 704 крепостных (здесь и в дальнейшем речь идет только о лицах мужского пола), что составило 11,31% от всего крестьянского населения области. В 1857 г. число крепостных в губернии достигло 20 601 человека (7,87% крестьянского населения региона) [13. С. 116—117, 152—153, 176—177]. Таким образом, крепост-

ные крестьяне стали одним из компонентов русского и украинского населения губернии.

Весьма заметную роль в изменении этнической картины Крыма и Северной Таврии сыграло поселение здесь государственных крестьян из внутренних губерний. По подсчетам В. М. Кабузана, из 92 242 переселенцев, прибывших в Таврическую губернию с 1783 по 1854 г., 45 702 (50,55%) составляли государственные крестьяне [14. С. 87—88], как правило, русские и украинцы.

В конце XVIII и в первой половине XIX в. в Таврической губернии появляются иностранные колонисты: греки (или, как принято их называть, в отличие от греков, переселенных в Приазовье в 1778 г., — новогреки), принимавшие участие в русско-турецких войнах на стороне России и вынужденные покинуть родину под угрозой жестоких репрессий со стороны султанского правительства, болгары, бежавшие из Османской империи, и, наконец, немецкие колонисты, приглашенные в Таврическую губернию для заселения и обустройства «пустопорожних» земель. С 1783 по 1854 г. сюда переселилось 8 934 иностранных колониста, что составило 10,55% от общего количества переселенцев [14. С. 88]. Заселение Крыма и Северной Таврии русскими и украинскими крестьянами и иностранными колонистами значительно изменило этническую карту этого региона. Уже в середине XIX в. русские и украинцы составляли большинство населения материковых уездов Таврической губернии.

Однако самые значительные изменения в этническом составе Таврической губернии произошли только во второй половине XIX в. Отмена крепостного права и последующие буржуазные реформы устранили многие, хотя далеко не все, препятствия в заселении окраин Российской империи. В. И. Ленин указывал, что «...главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было падение крепостного права в центре России» [15. С. 70].

Но, кроме общей причины, в Крыму существовали и дополнительные факторы, повлиявшие на этот процесс. Самой важной причиной заселения Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины во второй половине XIX в., на наш взгляд, была новая (вторая) эмиграция крымских татар в Турцию, развернувшаяся вскоре после Крымской войны 1853—1856 гг. и принявшая в начале 60-х гг. XIX в. широкие масштабы. По официальным данным, татарам и ногайцам (ногайцы проживали в это время в Северной Таврии) Таврической губернии в течение 1860—1862 гг. было выдано 29 098 паспортов и удостоверений на 192 360 душ обоего пола. Отобрано и возвращено в казенную палату 1 542 паспорта на 11 183 человека. Следовательно, в Турцию эмигрировало 181 177 человек [16. С. 20].

Историки XIX — начала XX в. не раз предпринимали попытки выявить причины этого явления. Одни объясняли эмиграцию татар чисто политическими и даже психологическими причинами [11. С. 375—405]. Другие выдвигали на первый план только экономические факторы [17; 18]. Нам кажется, что при объяснении этого сложного исторического момента надо учитывать совокупность условий, породивших татарскую эмиграцию в Турцию. Безусловно, одной из причин ее было обезземеливание татарских крестьян, которое проводилось как русскими, так и татарскими помещиками при активном содействии царских чиновников. В результате большая часть татарских крестьян оказалась лишенной земли и вынуждена была жить на помещичьих землях, отбывая за пользование ими различные повинности.

При захвате крестьянских земель русские и татарские помещики

использовали то обстоятельство, что татарские крестьяне не имели на руках документов, подтверждавших их право на владение землей [19. С. 610]. Наблюдая жизнь татарских крестьян, И. К. Айвазовский писал: «Одной из причин неудовлетворительного экономического положения татар в степной части Крыма нужно признать неограниченное право земледельцев выселить их со своих земель... Вследствие такого произвола татары периодически разоряются, будучи принуждены ... скитаться по полуострову, приискивая приют у другого землевладельца, который пользуется подобным случаем, чтобы выговорить себе непомерно выгодные условия» [9. Ф. 26, оп. 1, д. 26 521. Л. 23].

К сожалению, мы не располагаем точными статистическими сведениями о количестве и удельном весе безземельных татарских крестьян в конце 50-х гг. XIX в. Подробные данные по этому вопросу относятся только к 1876 г. Они свидетельствуют, что удельный вес татарских крестьян, проживавших на помещичьих землях, составил в Евпаторийском уезде 87,9%, в Перекопском — 80,7, Симферопольском — 55,6, Феодосийском — 41,4, Ялтинском — 32,5, а всего по Крыму — 51,8% [17]. Если учесть, что $\frac{3}{4}$ татарских крестьян, переселившихся к началу 60-х гг. XIX в., проживало на помещичьих землях, то можно полагать, что до эмиграции безземельных татарских крестьян было значительно больше. В свете этих данных становится понятным, почему Ялтинский уезд, где подавляющая масса татарских крестьян владела землей на правах собственности, оказался менее всего затронутым эмиграцией (из Ялтинского уезда уехало в Турцию всего 2 870 человек) [17. С. 206].

Однако если объяснять массовое переселение татар в Турцию в начале 60-х гг. XIX в. только тяжелым положением татарских крестьян, то остается непонятным, почему из Крыма эмигрировали также 13 444 татарина-мещанина, 9 168 представителей духовенства и 772 дворянина [18. С. 94].

Выясняя причины такого необычного явления, как массовая эмиграция из страны значительной части народа, следует учитывать, что беспощадному ограблению и угнетению подвергались все крестьяне Российской империи, в том числе русские и украинские, что политика национальной дискриминации проводилась русским царизмом по отношению ко всем нерусским народностям, но что только татары и ногайцы прибегали к такому своеобразному способу борьбы, как массовое бегство за границу. И это можно объяснить, с нашей точки зрения, некоторыми особенностями взаимоотношений крымских татар с Турцией.

В течение трех столетий Крымское ханство являлось вассалом Турции, и турецкий султан считался владыкой Крыма. После присоединения Крыма к России связи крымских татар с Турцией не прекратились. Турецкий султан по-прежнему был для крымских татар главой всех правоверных, и каждую пятницу во всех мечетях Крыма возносились молитвы за здоровье султана [11. С. 15]. Следует также принять во внимание, что подавляющее большинство мусульманского духовенства получило образование в Турции и придерживалось протурецкой ориентации. Одним из показателей большой роли мусульманского духовенства в жизни татар является насыщенность мусульманских селений мечетями. Так, в 1860 г. в Таврической губернии насчитывалось 1 460 мечетей [9. Ф. 81, оп. 1, д. 735. Л. 29].

Во время Крымской войны имел место ряд фактов, свидетельствующих о нелояльном отношении определенной части татар к России. Так, например, во время высадки турецкого десанта в районе Евпатории некоторые татары приняли на себя обязанность выявлять русских чи-

новников и выдавать их врагу. Были случаи, когда татары преднамеренно давали русским разведчикам неверные сведения о движении неприятельских войск, создавали тайные склады оружия, снабжали иностранные войска провиантом [20. С. 13—28].

На фоне всех указанных событий становится понятным, почему на крымских татар и таврических ногайцев так подействовал пример 16 тысяч кавказских ногайцев, переселявшихся в Турцию через крымские порты и вынужденных остановиться на зиму 1859—1860 гг. в северных уездах Таврической губернии [11. С. 397]. Поэтому столь эффективной оказалась в Крыму деятельность турецких агентов и фанатично настроенного мусульманского духовенства, призывавших татар к переселению в Турцию и уверявших их, что султан предоставит им лучшие земли, снабдит их рабочим скотом и т. д. [21. С. 188]. Все обещания султанского правительства оказались ложными. В Турции татары попали в крайне бедственное положение, голодали и нищенствовали [22. С. 977].

В результате татарской эмиграции в Крыму частично или полностью обезлюдело 687 селений: в Перекопском уезде — 278, Евпаторийском — 196, Симферопольском — 146, Феодосийском — 67. В 1867 г. 330 деревень Крыма оставались совершенно безлюдными [23. С. 434—436]. Резко сократилась численность сельского населения Крыма: в 1853 г. оно составляло 225,6 тыс., а в 1865 — 112 тыс. [24].

Одновременно с татарской эмиграцией из Крыма шло переселение ногайцев из северных уездов Таврической губернии. В XVIII—XIX вв. ногайцев иногда относили к татарам. Однако ногайцы представляли собой особую этническую группу. Главным их занятием еще в начале XIX в. было кочевое скотоводство. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. часть ногайцев отложились от Турции и вступила в союз с Россией. После присоединения Крыма к России ногайцы (не все) были поселены на левом берегу р. Молочные Воды, а в 1800 г. они были причислены к государственным крестьянам. Царское правительство хотело заставить ногайцев перейти к оседлости и применяло для этого типичные для феодально-абсолютистского государства насильственные методы [25. С. 120—126]. По данным А. А. Сергеева, в Турцию переселилось 50 134 ногайца [17. С. 210]. В результате эмиграции ногайцев опустело 96 селений в материковых уездах губернии [2. Отд. 2. С. 3].

Эмиграция татар в Турцию продолжалась и в последующие годы. Например, в начале 90-х гг. XIX в. Крым покинуло около 30 тыс. татар. В начале XX в. наблюдается новая волна эмиграционного движения, но точных данных о численности выехавших в Турцию татар нет [26. С. 55]. Сокращение крестьянского населения Крыма и Северной Таврии серьезно обеспокоило многих помещиков [9. Ф. 327, оп. 1, 9, 1383. Лл. 2, 14].

Идя навстречу их требованиям, царское правительство принимает ряд мер по заселению Крыма и Северной Таврии крестьянами из малоземельных губерний Российской империи и иностранными колонистами. Заселение материковых уездов проходило сравнительно быстро и в целом успешно.

В 1860—1863 гг. в губернии поселилось 39 823 человека. Из них 36 274 обосновались в материковых уездах и только 3 549 — собственно в Крыму [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 527. Лл. 3, 5, 18—22]. Следовательно, подавляющая масса переселенцев заселила северные уезды губернии. Уже в 1866 г. в «Русском вестнике» отмечалось, что «оставленные ногайцами земли Мелитопольского и Бердянского уездов, представляющие благоприятные места для поселения, были в самое непродолжительное время заняты новыми поселенцами» [27. С. 260]. Здесь же указывалась еще

одна чрезвычайно важная причина быстрого заселения этого района Таврической губернии: переселенцы селились главным образом на казенных землях, и это давало им известную гарантию стабильности. Переселение шло из Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Воронежской, Курской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и даже из Тобольской губернии [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 575. Лл. 18—22].

Крым заселяли и крестьяне других национальностей. В начале 60-х гг. XIX в. здесь появились переселенцы из Эстонии. Часть из них была приглашена местными помещиками. Эстонцы поселились в имениях помещиков Симферопольского уезда [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 575. Лл. 18—22]. Через некоторое время почти все эстонские крестьяне ушли от помещиков и добились разрешения поселиться на казенных землях.

Несмотря на все препятствия, чинимые царской администрацией, и значительную «утечку» эстонских переселенцев в другие губернии, в Крыму во второй половине XIX в. образовалась численно небольшая, но довольно компактная группа эстонских крестьян. В 1889 г. эстонцы проживали в четырех деревнях Перекопского и в четырех деревнях Симферопольского уездов [2. Отд. 2. С. 16].

Почти одновременно с эстонцами в Крыму появляются переселенцы из Чехии (Богемии). Царское правительство намеревалось поселить в Таврической губернии до 10 тыс. чехов [10. Ф. 1 263, оп. 1, д. 2 966. Л. 15].

Прибывшие в Крым чехи оказались, так же как и эстонцы, в чрезвычайно трудных условиях [9. Ф. 26, оп. 1, д. 24 563. Лл. 2, 3, 11, 36—37]. В результате многие вернулись на родину. Оставшиеся в Крыму были поселены на казенных землях Перекопского уезда, где они образовали четыре новых поселения [2. Отд. 2. С. 16].

В начале 60-х гг. XIX в. в Таврическую губернию прибывают сравнительно крупные партии болгарских переселенцев [10. Ф. 1 263, оп. 1, д. 2 966. Л. 7].

Несмотря на то, что часть болгарских переселенцев вскоре вернулась на родину, в Крыму в конце XIX в. сохранялась значительная прослойка болгарского населения. По данным переписи 1897 г., в уездах и градоначальствах Крымского полуострова проживало 7 528 болгар [28. С. 5—6].

В 60—70-х гг. XIX в. продолжается приток в губернию немецких колонистов. В 1897 г. в Перекопском уезде насчитывалось 11 718 немцев-колонистов, Евпаторийском — 7 588, Симферопольском — 5 812, Феодосийском — 4 909. Таким образом, в Крыму в 1897 г. проживало 30 027 немецких колонистов [28. С. 8].

Из имеющихся в нашем распоряжении статистических данных выясняется, что население Таврической губернии с 1861 по 1897 г. возросло с 527 431 до 1 447 790 человек, т. е. более чем в 2,5 раза. При этом население уездов (без городов), т. е. сельское, увеличилось с 422 648 до 1 172 469, т. е. в 2,8 раза. Следовательно, рост сельского населения опережал рост населения губернии в целом. За этот же период население материковых уездов возросло с 328 206 до 888 334 человек, т. е. в 2,7 раза, а население Крымского полуострова, где в начале 60-х гг. XIX в. особенно сократилось число сельских жителей, увеличилось с 94 442 до 284 135, т. е. в 2,8 раза. Большая часть сельского населения Таврической губернии (888 334 человека из 1 172 469, т. е. 75,8%) в конце XIX в. обитала в северных уездах губернии [10. Ф. 1 263, оп. 1, д. 2 966, прил. 23; 29. Л. Б.].

Интенсивное заселение Крыма и Северной Таврии русскими, украинцами и представителями других национальностей привело к значительным изменениям этнического состава Таврической губернии.

Важным источником для изучения демографических процессов в Крыму и Северной Таврии являются данные о национальном составе населения Таврической губернии по итогам переписи 1897 г. Обращает на себя внимание прежде всего его пестрота — 42,4% населения губернии и 50,1% сельского населения составляли украинцы. На втором по численности месте были русские — 27,9% населения губернии и 22,6% сельского населения. Значительно снизился, по сравнению с серединой XIX в., удельный вес татарского населения (12,7%) [28. С. 6].

Более подробные сведения содержатся в таблице.

Как видно из таблицы, в конце XIX в. русские и украинцы занимали в процентном отношении первое место во всех уездах и градоначальствах Таврической губернии. Абсолютное преобладание русского и украинского населения отмечалось прежде всего в материковых уездах Таврической губернии, где русские, украинцы и белорусы составляли от 73,3% (Бердянский уезд) до 94,9% населения (Днепровский уезд). При этом преобладали украинцы (от 54,9% в Мелитопольском уезде и до 73,6% в Днепровском уезде). На Крымском полуострове русские и украинцы нигде, за исключением Перекопского уезда и Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальств, не составляли более половины населения.

Обращает на себя внимание тот факт, что татары, составляя значительную часть населения крымских уездов в конце XIX в., нигде, кроме как в Ялтинском уезде, не преобладали. Немецкие переселенцы встречаются во всех уездах Таврической губернии, в том числе материковых. В Бердянском уезде немецкие колонисты составляли, например, около 8% населения. Из таблицы ясно, что видное место среди иностранных переселенцев занимали болгары, которые сосредоточивались главным образом в Бердянском и Феодосийском уездах. Небольшое число выходцев из Чехии, оставшихся в Таврической губернии в конце XIX в., проживало главным образом в Крыму и частично в Мелитопольском уезде. Таблица показывает, что все переселенцы из Эстонии обитали в крымских уездах. Удельный вес греков доходил до 4—5% (Ялтинский и Феодосийский уезды).

К числу довольно компактных этнических групп Крыма следует отнести армян, проживавших преимущественно в Крыму, и особенно в Феодосийском и Симферопольском уездах. Незначительную долю населения Таврической губернии составляли молдаване, турки, поляки.

Таковы некоторые наблюдения и выводы об этническом составе населения Таврической губернии (в том числе Крыма).

Изучение миграции на территории Таврической губернии, границы которой, если исключить Кубань, совпали с границами бывшего Крымского ханства за период с 1783 по 1897 г., показывает, что по масштабам миграции Таврическая губерния не знает себе равных. Главным результатом сложных процессов миграции были крупнейшие изменения в этническом составе населения этого региона. В конце XIX в. подавляющее большинство жителей губернии составили русские и украинцы (более 70%). Резко сократился удельный вес татар (менее 13% населения губернии в 1897 г.). На территории бывшего Крымского ханства появилось много новых этнических групп, внесших свой вклад в развитие производительных сил этого края.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ (ПО УЕЗДАМ И ГРАДОНАЧАЛЬСТВАМ) В 1897 г.
(ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1897 г., %)*

Уезды губернии	Русские, украинцы, белорусы	В том числе			Поляки	Чехи	Болгары	Молдаване	Немцы	Греки	Армяне	Цыгане	Евреи	Эстонцы	Татары	Каранмы	Турки	Прочие
		русские	украинцы	белорусы														
Бердянский	77,3	18,1	58,8	0,4	0,1	0,1	10,5	0,5	7,8	0,2	0,1	—	2,9	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2
Днепровский	94,9	19,9	73,6	1,4	0,3	—	—	0,2	1,3	—	—	0,1	3,0	—	0,2	—	—	—
Мелитопольский	86,6	32,8	54,9	0,3	0,6	0,2	0,5	—	5,2	0,1	0,1	0,1	4,2	—	0,2	0,1	—	0,1
Симферопольский	37,7	30,2	7,1	0,4	1,2	0,2	1,0	—	4,1	1,8	2,1	0,1	6,5	0,5	41,8	2,6	0,2	0,2
Евпаторийский	39,0	17,0	21,1	0,3	0,3	0,2	—	0,1	12,0	1,6	0,7	0,1	9,5	0,6	40,5	2,2	—	0,2
Перекопский	54,3	22,9	22,0	0,4	0,3	0,2	—	0,1	22,8	0,4	1,2	0,5	2,6	1,6	23,5	0,4	—	0,1
Ялтинский	30,2	27,1	2,8	0,3	0,6	0,1	—	0,0	0,5	5,4	0,9	—	1,3	0,1	58,7	0,3	1,5	0,4
Феодосийский	42,2	32,2	11,5	0,5	0,6	0,1	5,0	0,1	4,2	4,0	2,1	0,3	2,5	—	37,2	1,2	0,2	—
Керчь-Еникальское градоначальство	72,1	55,8	16,1	0,2	2,0	—	0,1	0,1	0,7	4,6	1,6	0,1	10,1	0,2	5,0	0,9	0,12	—
Севастопольское градоначальство	76,2	62,8	13,1	0,3	4,9	0,1	0,1	0,1	1,6	5,0	0,8	0,1	6,4	0,2	1,7	1,6	0,4	0,8

* Таблица составлена по данным [28. С. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
2. Памятная книжка Таврической губернии. 1889/Под ред. К. А. Вернера. Симферополь, 1889. Отд. 3.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. № 14 164.
4. *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. 1774. М., 1955.
5. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции, донесения. Спб., 1900. Т. 2.
6. *Маркевич А. И.* Краткий очерк деятельности генералиссимуса А. В. Суворова в Крыму//ИТУАК. № 31 (отд. отт.).
7. *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
8. *Она же.* Ближайшие экономические последствия выхода России на Черное море//Из истории общественных движений и международных отношений: Сборник статей в память акад. Евгения Викторовича Тарле. М., 1957.
9. Крымский облгосархив.
10. ЦГИА СССР.
11. *Маркевич А. И.* Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму//Изв. АН СССР. VII сер. Отд. гуманитар. наук. 1928, № 4—7.
12. *Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения//ИТУАК. № 21—25.
13. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. Прил. 2.
14. *Она же.* Заселения I освоения Таврической губернии у II пол. XVIII — первой пол. XIX ст.//Укр. Ист. журн. 1969. № 12.
15. *Ленин В. И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века//Полн. собр. соч. Т. 17.
16. Статистический справочник Таврической губернии/Сост. Ф. Н. Анориевский. Симферополь, 1915. Ч. 1.
17. *Сергеев А. А.* Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г.//ИТУАК, 49.
18. *Чернышев.* Причина эмиграции крымских татар в Турцию//Тр.: О-во изучения Татарстана. Казань, 1930.
19. *Левцкий Г. П.* Переселение татар из Крыма в Турцию//Вестн. Европы. 1882.
20. *Маркевич А. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны//ИТУАК. № 37.
21. *Вольфсон Б. М.* Эмиграция крымских татар в 1860 г.//Ист. зап. 1940. № 9.
22. Колокол (факсимильное изд.) М., 1962.
23. Памятная книжка Таврической губернии//Под ред. К. Б. Ханацкого. Симферополь, 1867.
24. *Вологдин Б.* Население Крыма за последние 150 лет//Бюлл. Крым. Центр. стат. упр. Симферополь. 1928. № 7.
25. *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970.
26. *Исхаков Д. М.* Динамика численности татар в России в XVIII — начале XX в.// География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
27. О заселении Крыма новыми поселенцами//Рус. вестн. 1866. Т. 63.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Спб., 1904. Т. 41: Таврическая губерния.
29. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1897 г. Симферополь. 1898. Ведомость.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. Г. Нигматов* (Бухара), *К. М. Абдуллаев* (Баку), *В. И. Банару* (Килинцев), *Х. Х. Халияров* (Бухара), *Н. М. Махмудов* (Ташкент), *А. Нурманов* (Андижан), *Р. Р. Сайфуллаева* (Ташкент). Способы синтаксической связи и актуальные вопросы тюркского синтаксиса 3
- М. И. Исламов* (Баку). Социально-экономическое развитие и современные диалекты 9
- Дж. М. Хангишиев* (Махачкала). К вопросу о категории наклонения глагола в кумыкском языке 13

Ф О Л Ъ К Л О Р . Л И Т Е Р А Т У Р А . К У Л Ъ Т У Р А

- Л. П. Петров* (Чебоксары). Из истории чувашских дохристианских имен 21
- К. Ибраимов* (Фрунзе). Мифопоэтические традиции и художественное произведение 26
- О. В. Васильева* (Москва). «Повесть о Сефер-бей-заде» (XVII в.) и роман Намыка Кемаля «Приключения Али-бея» (XIX в.) 32

Д И С К У С С И И И О Б С У Ж Д Е Н И Я

- Н. Г. Вильданова, Т. М. Гарипов* (Уфа). Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? 36
- А. Ахундов* (Баку). Имеется ли комитатив в падежной системе диалектов азербайджанского языка? 42

М А Т Е Р И А Л Ы И С О О Б Щ Е Н И Я

- Ю. М. Сеидов* (Баку) Об одном забытом типе словосочетаний 44
- Н. А. Асилова* (Ташкент). Об источниках «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу Хайяна 48
- Н. Ч. Мусабекова* (Баку). Проблема словообразовательного анализа гидронимов Азербайджана. Типовые конструкции гидронимов 52
- М. Ф. Чернов* (Чебоксары). Несвободные глагольно-именные перифразы в современном чувашском языке 59
- Х. Нуруллаев, М. Туйчиев* (Самарканд). Глагол қилмоқ как строевой элемент 70
- Э. А. Умаров* (Ташкент). Издатель «Санглаха» Джерард Клосон 73
- Л. И. Чебодаева* (Ленинград). К вопросу о причастных и деепричастных конструкциях в хакасском языке 79
- Х. М. Зарбалиев* (Баку). Об одном способе образования числительных 83
- С. А. Секиринский* (Симферополь). Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII—нач. XX в.) 87

Н А С Л Е Д И Е

- Э. Р. Тенишев* (Москва). Заметки Н. К. Дмитриева в книге С. К. Церуниана «Курс османских разговоров» 98

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- П. И. Кузнецов (Москва). Что равно нулю? 106

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
ОБЗОРЫ

- Г. Абдуллабекова (Баку). Вклад азербайджанских ученых XIX—XX вв. в развитие польской ориенталистики 108

РЕЦЕНЗИИ

- Р. А. Юсупов, Ф. Г. Гарипова (Уфа). М. З. Закиев. Проблемы языка и происхождения волжских татар 116

АННОТАЦИИ

- М. М. Ахмедов (Баку). Igor destanı (Oleg torunu Svyatoslav oglu Igor'un seferi destanı) 118
Е. К. Скрибник (Новосибирск). Вопросы алтайского языкознания 118

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- М. С. Фомкин (Ленинград). Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археологии 120
А. Д. Шукюров (Баку). Научно-методическая конференция, посвященная вопросам культуры речи 122

PERSONALIA

- Э. Р. Тенишев (Москва), Ц. А. Абуладзе (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия 123
С. Корбаев (Алма-Ата). Заки Ахметович Ахметов 124
А. А. Абдрахманов (Алма-Ата). Асет Болганбаевич Болганбаев 126

НЕКРОЛОГИ

- Н. Дж. Мамедов (Баку). Азиз Шариф 127

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Kh. G. Nigmatov (Bukhara), K. M. Abdullayev (Baku), V. I. Banaru (Kishinev), Kh. Kh. Khalyarov (Bukhara), N. M. Makhmudov (Tashkent), A. Nurmanov (Andizhan), R. R. Sayfullayeva (Tashkent). Modes of syntactic connection and actual questions of Turkic syntax 3
M. I. Islamov (Baku). Social and economic development and modern dialects 9
J. M. Khangishiyev (Makhachkala). Towards the question of category of mood in the Kumyk language 13

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.

- L. P. Petrov (Cheboksary). From the history of the Chuvash pre-Christian names 21
K. Ibraimov (Frunze). Mythical-poetic traditions and work of art 26
O. V. Vasilyeva (Moscow). «Sefer-bey-zade story» (XVII) and the novel «Adventures of Ali-bey» (XIX) by Namyk Kamal 32

DISCUSSIONS

- N. G. Vildanova, T. M. Garipov (Ufa). One zero case or zero forms of different cases? 36
A. Akhundov (Baku). Is there comitative in the case system in the dialects of Azerbaijani? 42

MATERIALS AND REPORTS

<i>Yu. M. Seyidov</i> (Baku). On one neglected type of word-combination	44
<i>N. A. Asilova</i> (Tashkent). On the sources of «Kitab al-idrak li-lisan al-atrak» by Abu Khayan	48
<i>N. Ch. Musabekova</i> (Baku). The problem word-formative analysis of the Azerbaijani hydronyms. Model constructions of hydronyms	52
<i>M. F. Chernov</i> (Cheboksary). Non-free verbal-nominal constructions in the modern Chuvash language	59
<i>Kh. Nurullayev, M. Tuychiyev</i> (Samarkand). The verb қилмоқ as structural element	70
<i>E. A. Umarov</i> (Taskent). The editor of «Sanglakh» Jerard Clauson	73
<i>L. I. Chebodayeva</i> (Leningrad). Towards the question of participial and adverbial participial constructions in the Khakass language	79
<i>Kh. M. Zarbaliyev</i> (Baku). About one method of formation of the numeral	83
<i>S. A. Sekirinskiy</i> (Simferopol). From the ethnic history of the Crimea and the Southern Tavriya (2-nd half of XVII—I-st half of XX)	87

INHERITANCE

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). N. K. Dmitriyev's notes from the book «Course of Osman talks» by S. K. Tserunian	98
--	----

LETTER TO THE EDITOR

<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). What is equal of zero?	106
---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY
OBSERVATIONS

<i>G. Abdullabekova</i> (Baku). The contribution of the Azerbaijan scientists in XIX—XX c. to the development of the Polish orientalistics	108
--	-----

REVIEWS

<i>R. A. Yusupov, F. G. Garipova</i> (Ufa). М. З. Закиев. Проблемы языка и происхождения волжских татар	116
---	-----

ANNOTATIONS

<i>M. M. Akhmedov</i> (Baku). Igor destani (Oleg torunu Svyatoslav oglu Igor'un seferi destani)	118
<i>E. K. Skribnik</i> (Novosibirsk). Вопросы алтайского языкознания	118

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

<i>M. S. Fomkin</i> (Leningrad). All-Union confereense on problems of the Eastern archeogrophy	120
<i>A. D. Shukyurov</i> (Baku). Scientific-methodic confereense on culture of speech	122

PERSONALIA

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow), <i>Ts. A. Abuladze</i> (Tbilisi). Sergey Simonovich Jikiya	123
<i>S. Karabayev</i> (Alma-Ata). Zaki Akhmetovich Akhmetov	124
<i>A. A. Abdrakhmanov</i> (Alma-Ata). Aset Bolganbayevich Bolganbayev	126

OBITUARY

<i>N. J. Mamedov</i> (Baku). Aziz Sharif 	127
--	-----

© «Советская тюркология», 1988 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*.

Корректоры *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 15.06.88 г. Подписано к печати 30.09.88 г. ФГ 05165. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2 Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 4707. Тираж 2450. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ
«СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ»**

НА 1989 год

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ:

СТАТЬИ ШИРОКОГО НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ;

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, ЭТНОЯЗЫКОВЫМ СВЯЗЯМ, РАЗВИТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ;

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ НА ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И Т. Д.

В ЖУРНАЛЕ ОТКРЫТЫ НОВЫЕ РУБРИКИ — «НАСЛЕДИЕ» И «АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ».

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

НА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 6 руб. 60 коп.

Подписка принимается:

ОРГАНАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, ПОЧТАМИ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70927.

В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ.